

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

**Алексей
КАЗАКОВ**

Пермь – Челябинск

УРАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ ЧЕХОВА

Вспоминя классика русской литературы Анто́на Павловича Чехова (1860–1904), мы вправе рассказать и о поездках писателя на Урал. Было это в конце XIX – начале XX века: в 1890 году по пути на Сахалин он заехал в Пермь; в 1901 году совершил путешествие по Каме, затем была Башкирия, где лечился кумысом на местном курорте Аксеново; в 1902 году вновь посетил Пермь и вместе с фабрикантом-меценатом Саввой Морозовым проехал в его имение в Прикамье – во Всеволодо-Вильве (а перед этим побывал в Екатеринбурге, остановившись в гостинице «Американская» – здание сохранилось, ныне в нем художественное училище; в 1918 году именно здесь Уральский облсовет принял решение о расстреле императора Николая II и его семьи).

Польза всякого путешествия для творческого человека – очевидна. По ходу движения происходят непрестанные открытия характеров доселе далеких незнакомых людей и близкого себя в разнообразных обстоятельствах окружающей действительности. Так произошло и с Чеховым, который, сохраняя пушкинскую традицию путешествия, «то в кибитке, то пешком», проделал

большой географический путь от Москвы до Урала и далее до Дальнего Востока. Странствуя по России, Чехов проявил себя не только художником слова, но и общественным деятелем – он строил школы, оказывал материальную поддержку нуждающимся, организуя сбор средств. Благодаря ему и в Перми началось благотворительное движение «Белый цветок» в помощь больным туберкулезом. Многим он посылал свои книги. Лекарь, писатель, друг всех сирых – таков был Антон Павлович, для которого Урал и Сибирь были близки и интересны.

Еще в 1887 году в рассказе «Мальчики» один из юных героев Чечевицын – он же Монтигомо Ястребиный Коготь, планируя побег из родительского дома, говорит: «Сначала в Пермь...»

С того далекого времени и по сей день Пермь продолжает высказываться именами Чехова, Дягилева, Пастернака и нашего современника Алексея Иванова. И еще: «Тени трех сестер Prozоровых стали неотъемлемой принадлежностью пермского культурного ландшафта», – по выражению местного филолога В. Абашева.

Пьесе «Три сестры» А. П. Чехов написал в 1900

году, обронив в одном из писем А. М. Горькому: «Действие происходит в провинциальном городе вроде Перми...»

Но вернемся к апрелю 1890 года. Свои письма с Урала и из Сибири Чехов подписывал иногда так: «Homo Sachaliensis». Написал как диагноз поставил: человек сахалинский. «...Право, недурно быть врачом и понимать то, о чем пишешь...» – замечал он по этому поводу. Постоянно выбирая между любовницей (медициной) и женой (литературой), Антон Павлович склонялся к последней, заметив однажды: «Литератору нужен хоть кусочек общественной жизни». Проехав всю Россию на перекладных, он сполна познал ту жизнь, признавшись: «У меня все просахалинено». Не зря об этом дальнем каторжном острове в народе говорилось: «Вокруг – море, а в центре – горе».

Урал, ставший с XVII века, со времени ссылки в Ныроб боярина Михаила Никитича Романова, попавшего в опалу всесильному Борису Годуну, гиблым местом гонимых, юдолью печали, влек Чехова, увидевшего Пермь как «ворота в Сибирь». И рассекал те ворота кандальный Сибирский тракт, проходивший через весь город. «Много беспокойных голов проходило по пермским улицам, и много людей с чутким сердцем томила Пермь в их одиночестве», – писал современник Чехова.

Тяжелая печать некоего проклятья лежит на этом камском городе, бывшем в древности Великой Пармой. С тех пор как летом 1918 года здесь расстреляли некоронованного Михаила Романова, брата последнего российского самодержца, нет покоя этому месту, где люди пытаются жить вскачь на «Хромой лошади»...

Конечно, его удивила огромная Кама. Настроение писателя было разным, но в одном из писем читаем: «...Очень красивы буксирные пароходы, тянущие за собою по 4-5 барж; похоже на то, как будто молодой, изящный интеллигент хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены...»

Так мог написать только отпетый убежденный холостяк, сказавший в узком кругу: «Я выше женьитьбы». Да, роль буксирного парохода-мужа была явно не для него.

Вот и в ту позднюю весну 1890 года он писал, что ветер дул «резко и противно», а «камские города серы», и что единственное занятие жителей – «приготовление скуки, мокрых заборов и уличной грязи».

Так, постепенно камские реалии проникали в будущую пьесу: «...Длинная еловая аллея, в кон-

це которой видна река. На той стороне реки – лес... Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который бы не был похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем...» («Три сестры»). Это было сказано под настроение.

Во время своего первого пребывания в Перми Антон Павлович посетил Мотовилиху, хотелось посмотреть известный пушечный завод, пообщаться с рабочими. Район этот и сегодня – рабочая окраина Перми, и живет здесь на косограх тот же местный народ, каким его увидел Чехов более века назад. «Здесь люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик» (чеховское впечатление 1890 года от встречи с рабочими Мотовилихи, управлявших гигантским 50-тонным молотом).

Пребывание на Урале, встречи на Каме подарили писателю яркие впечатления, которые буквально рассыпаны по его письмам, рассказам, пьесам. Именно в этих поездках он обратил внимание, что уральцы знают и любят книги своего земляка Д.Н.Мамина-Сибиряка, говорят о нем больше, чем о Л.Н.Толстом. Чехов дружил с Дмитрием Наркисовичем, ценил его прозу, признавшись, что когда читал его писания, то «чувствовал себя таким жиденьким, как будто сорок дней и ночей постился». Но это признание не исключало, конечно, и дружеской критики – прочитав повесть Мамин-Сибиряка «Около господ» (1900), Чехов отверг ее, назвав «грубой, безвкусной».

С парохода «Пермь» писатель сообщал сестре: «...Стали попадаться инородцы. Татар очень много: народ почтенный и скромный» (24 апреля 1890).

От пермского вокзала, построенного в старорусском стиле (здание сохранилось), писатель добирался до Мотовилихи на телеге, из-за плохой дороги извозчики отказывались ехать до завода. Неслучайно в пьесе «Три сестры» появится реплика Вершинина: «...Только странно, почему вокзал железной дороги в двадцати верстах...»

По пути ему повстречался местный железнодорожник А. Чайкин, который буквально накануне прочитал чеховскую повесть «Степь», опубликованную в журнале «Северный вестник». Им было о чем поговорить. А обратно писатель шел пешком по шпалам от станции Мотовилиха до Перми (недавно я прошел этот путь и скажу, что он доволь-

но не близок). И вновь повстречался с путейцем Чайкиным, который, оживленно разговаривая, машинально поддержал гостя за локоть. Чехов вежливо освободился, пошутив: «Извините, но про нас могут подумать, что железнодорожник поймал «зайца».

Интересно, что позже А. Чайкин работал актером в Пермском драматическом театре, не раз играл и в чеховских спектаклях, был даже журналистом (умер в 1950 году), оставив о той незабываемой встрече воспоминания.

Останавливался Антон Павлович в небольшой, но уютной гостинице Дворянского собрания (гостиницу снесли 30 лет назад, в самом Дворянском собрании ныне клуб МВД). Рядом с гостиницей была Воскресенская церковь. Услышав церковный благовест, Чехов с грустью атеиста-медика, впитавшего базаровские черты известного тургеневского персонажа, произнес: «Вот любовь к этому звону – все, что осталось еще у меня от веры».

И в письме от 29 апреля 1890 года он пишет с Урала в Москву: «Колокола звонят великолепно, бархатно...»

Воскресенский храм на Вознесенской улице, 37 (ныне Луначарского) так же снесли, как и гостиницу, на стене которой еще в 1954 году была установлена мемориальная доска. Снесли все, предав забвению пребывание Чехова в Перми...

Когда в Московском художественном театре начались генеральные репетиции «Трех сестер», автор пьесы был на лечении за границей. Но вдруг прислал письмо с лаконичным требованием: «Вычеркнуть весь монолог Андрея в последнем акте и заменить его словами: «Жена есть жена».

Однако Станиславский оставил прежний монолог. В мае 1901 года писатель приехал в Москву, где состоялось его венчание с актрисой МХТ Ольгой Леонардовной Книппер. Этот шаг Чехова поразил многих. Иван Бунин высказался прямо: «Это самоубийство. Хуже, чем Сахалин». В чем-то он был прав – через три года Чехов скончался, а злые языки назвали актрису «беспокойной женой покойного писателя». Конечно, влюбленность и болезнь сыграли свою роль, как и настойчивость и женская опытность Книппер. А свадебное путешествие и медовый месяц новобрачные решили провести своеобразно: отправились на Южный Урал, в Уфимскую губернию, на кумыс. Преодолели долгую дорогу: по Волге, Каме, Белой до Уфы, затем несколько часов по железной дороге в уральское предгорье – в Андреевский

санаторий близ станции Аксеново. У пристани Пьяный Бор они застряли на целые сутки, ночевали прямо на полу в большой крестьянской избе. Не зная точного расписания парохода, находились в тревожном ожидании, но успели отведать знаменитых на всю Россию пьяноборских раков. «На Антона Павловича эта ночь, полная отчужденности от всего культурного мира, ночь величавая, памятная какой-то покойной, серьезной содержательностью и жутковатой красотой и тихим рассветом, произвела сильное впечатление, и в его книжечке... отмечен Пьяный Бор», – вспоминала О. Л. Книппер.

Чехову поначалу понравилось в Аксенове: прекрасная дубовая роща, река Дема, табуны лошадей в ночном, вольный степной ветер с запахами медоносных трав и башкирский мед. Но праздная жизнь вскоре наскучила. Издателю А.Суворину он напишет из Аксенова: «...Здесь скучновато, но делать нечего, надо пить кумыс, которого я выпиваю уже по четыре бутылки».

И все-таки Чехов не выдержал, и супруги сбежали из Башкирии в Ялту, ближе к морю.

Во время своего первого посещения Перми Антон Павлович пришел к выводу, что «в России все города одинаковы, Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула». И все же его влекло в этот провинциальный город на берегу Камы, в котором величавая окружающая природа уживалась рядом с мелочной суетой, праздностью, размеренной обывательской жизнью.

Прикамское селение Всеволодо-Вильва, куда по приглашению Саввы Морозова 23 июня 1902 года приехал А. П. Чехов, находилось в красивой лесистой местности. Здесь еще в 1808 году был построен завод по выплавке чугуна, но с истощением запасов руд производство прекратилось, и завод бездействовал, пока московский фабрикант Морозов не выкупил его у бывших хозяев Всеволожских. Энергичный Савва Тимофеевич довольно быстро наладил производство продуктов сухой перегонки дерева (замечу, что уже в советское время это предприятие, получившее название «Метил», оставалось долгие годы единственным на Урале крупным заводом по сухой перегонке, получая метиловый и древесный спирт, ацетон, химические масла и т.п.). А деловые люди всегда были интересны Чехову.

В письме с парохода «Пермь» (1890) он сообщал: «Со мною едет судебная палата. Люди не даровитые. Зато купцы, которые изредка вставляют свое словцо, кажутся умницами. Богачи попадают на страшные».

Новое сословие «чумазых» (определение Салтыкова-Щедрина новым русским «денежным мешкам», купцам-предпринимателям) прочно вошло в художественные произведения Чехова, вспомним «Вишневый сад». И на пароходе «Пермь» он вновь столкнулся со своими героями. Из Екатеринбурга писал матери: «...Сегодня утром входит один такой – скуластый, лобастый, угрюмый, ростом под потолок, в плечах сажень... Ну, думаю, этот непременно убьет». Непрошеным гостем оказался... двоюродный брат А.М.Симанов, член Екатеринбургской земской управы, владелец мельницы и вдобавок редактор «Екатеринбургской недели» (все, как в наше время!). О нем Чехов писал: «...Живет основательно, богатеет, толстеет». И добавлял: «...Родственники – это племя, к которому я равнодушен... Прасковью Тихоновну, Собакия Семеновича и Матвея Сортирыча видеть я не буду...» Что, однако, не помешало черты этого своего родственника воплотить в образе Ионыча... Как и Салтыков-Щедрин в «Господах Головлевых», вывел всю родню: от матери до братьев, за что и был лишен родового наследства.

А Чехов еще на заре своей репортерской юности писал об уральском купце А. С. Губкине, «чайном магнате», который жил в Москве, по соседству на Малой Дмитровке. Его внук Александр Григорьевич Кузнецов обитал в основном в Ялте и Ницце (та же болезнь легких), но был почетным гражданином Кунгура и попечителем ялтинской гимназии, собственником домов и владений в Москве и Крыму (имение «Форос», получившее известность в революционном августе 1991 года).

Общение с фабрикантами привело молодого Чехова к осмыслению социальной проблемы нищеты и благотворительности в России. Частные благодеяния сталкивались с общественной благотворительностью, много говорили о самоуважении и воспитании личности, но поток нищих увеличивался с каждым годом. По Чехову, нищество можно будет искоренить в России «лет через тысячу». По его мнению, толстосум «наймет людей в нищие, если только наука и время похерят пролетариат».

Поводом для приезда Чехова на Урал послужило открытие школы, построенной Морозовым для заводского населения поселка. Конечно, писатель не мог не согласиться поучаствовать в этом благородном мероприятии, ибо всю жизнь содействовал продвижению образования в провинциальные окраины России. Местная пресса («Пермские губернские ведомости») все пере-

путала и с восторгом известила о приезде в Пермь... Максима Горького, вспомнив, что его отец родом из Перми. К «приезду дорогих гостей» в газете «Пермский край» появилось стихотворное посвящение:

*...Теперь, тревожно улыбаясь,
Мы нетерпением горим:
Сам Горький едет к нам Максим,
Сам Чехов едет вместе с ним!
Пермяк их ждет, смеясь и плача,
Он от избытка чувств обмяк,
Ему действительно удача:
Отец у Горького – пермяк!*

Чехов прочел «Ведомости» там же, в Перми, вырезав заметку и отослав ее М. Горькому. Перед этим, возвращаясь от Саввы Морозова, сообщил в письме: «...Дорогой Алексей Максимович, я был на сих днях в Перми, потом поплыл выше в Усолье, теперь по железной дороге спускаюсь опять до Перми...»

В имени Морозова Чехов не загостился, они были слишком разные люди, писатель и капиталист, чтобы подолгу соприкасаться. Да и взгляды на жизнь у них резко различались. Известно, что Савва Морозов щедро помогал революционерам-социалистам, вызвав замечание Чехова: «...Суется перед революцией, как бес перед заутреней». Но и фабрикант не оставался в долгу, сказав о докторе Чехове: «И умный он, и талантливый, а в политике – уездный лекарь». На что получил ответ, полный сарказма: «Богатый купец... театры строит... с революцией заигрывает..., а в аптеке нет йоду, и фельдшер-пьяница весь спирт из банок выпил и ревматизм лечит касторкой». Это было сказано после пребывания писателя в уральском имени Морозова.

Вернувшись в Пермь, Чехов прогулялся по набережной Камы, сплавал в Курьинские дачи, что на правом берегу реки, напротив пушечного завода, посетил вновь полюбившуюся ему Мотовилиху, зашел на почту, посетил Загородный сад (перед этим попытался зайти в небольшой садик, именуемый местными жителями «козий загон»: «козами» в Перми называли проститутку, но не удалось – калитка была завалена мусором). И в «архиерейский сад» возле консистории у набережной писатель не смог попасть – у высокого забора было объявление: «Нижним чинам и собакам вход воспрещается». Об этом читаем у Чехова: «Меня очень привлекал этот уголок, но войти я не мог. Ведь я много часов уже бродил по горо-

ду как бездомная собака и, кроме того, был самым нижним чином. Если бы в городе не палили пушки, то можно было бы спать на ходу».

Память писателя запечатлела только то, что было для него «важно или типично». Здесь к месту будет упомянуть и фигуру «даровитого пермяка» Сергея Павловича Дягилева, через которого Чехов также познавал Урал и Пермь. Сохранилась их переписка 1902 года, показывающая отношение А. П. Чехова к деятелям «Мира искусства» и к проблемам культуры того времени.

Но главное – это то, что Чехов нашел в Перми своих новых героев – трех сестер. После первого приезда в Пермь Антон Павлович написал рассказ «У знакомых» (1898), в котором зазвучат будущие тревожные речи о смысле жизни, наполнившие пьесу «Три сестры». Уже здесь были выведены образы милых молодых женщин, мечтающих о своем будущем. Одна из них строит планы: «Надо работать... Я поступлю в Москве куда-нибудь, буду зарабатывать, помогать сестре и ее мужу...» Мотив обозначен: «В Москву, в Москву!..» А глава семейства Лосев заговорил языком штабс-капитана Соленого с присказкой из крыловской басни: «Он и ахнуть не успел, как на него медведь наслел».

До сих пор спорят, кто они, чеховские героини: сестры Шатиловы, дочери генерала, командира армейского корпуса (они были лично знакомы с писателем); сестры Карвовские, дочери известного пермского архитектора Р. О. Карвовского – в их доме-тереме (это архитектурное чудо снесли в 1988 году), по легенде, также бывал Антон Павлович; наконец, сестры Циммерман, дочери дворянина, действительного статского советника, врача Владимира Ивановича фон Циммермана (к слову, одно время его сослуживцем был врач А.Д.Бланк, дед В. И. Ульянова-Ленина). С этим семейством личного общения у Чехова не было, однако, скорее всего, посещал гимназию сестер Циммерман – Эвелины, Оттилии, Маргариты – учебное заведение, ведущее свою летопись с 1886 года, когда в Перми впервые открылась частная начальная школа. Сестры-основательницы сами преподавали в этой школе-гимназии (старинное двухэтажное здание на углу улиц Луначарского и Горького сохранилось, сейчас в нем фармацевтическое училище). Они были настоящими подвижницами своего педагогического дела. К ним впрямую относятся слова Вершинина из пьесы «Три сестры»: «...Какая это будет жизнь!.. Вот таких, как вы, в городе теперь только три, но в следующих поколениях будет больше,

все больше и больше, и придет время, когда все изменится по-вашему».

Они и в жизни приближали тот далекий день, особенно начальница гимназии Оттилия Владимировна («тетя Отя», – называли ее близкие люди), посвятившая всю себя ученикам гимназии (сохранилось ее страстное письмо к Льву Толстому по вопросам педагогики, в котором есть такие строки: «...Дело касается не меня лично, оно касается молодого поколения, которое я так горячо люблю, которое я мечтала воспитать в чистоте душевной и телесной, в трезвости и целомудрии», 1908).

«...Тетки мои в свое детище вкладывали все свои сбережения», – вспоминал их племянник А.А. Кюнтцель.

В Москве на Митинском кладбище похоронен прямой родственник сестер Циммерман – Владислав Владимирович фон Кюнтцель (1927–1998), профессор, доктор геолого-минералогических наук, уроженец Перми, автор изысканий о прототипах чеховской пьесы под названием «Три сестры моей бабушки, или Несколько писем пермской кухне» (рукопись хранится в Доме-музее А. П. Чехова в подмосковном Мелихове).

В своей работе В. В. Кюнтцель обратил внимание на то, что первые буквы имен сестер Прозоровых и сестер Циммерман совпадают: Оттилия – Ольга, Маргарита – Маша, Эвелина (Инна, как ее звали в семейном кругу) – Ирина. Действительно, Чехов умел изобразить немцев с русской душой (известна его тяга ко всему немецкому, даже последние слова перед смертью он произнес по-немецки: «Ich sterbe» («Я умираю») в немецком городе Баденвейлере...)

И в 1902 году, направляясь в Пермь, писал с дороги: «Настроение у меня хорошее, немецкое, ехать удобно и приятно...» В той же пьесе, в первом действии, человек с тройной фамилией Николай Львович Тузенбах говорит: «Да, нужно работать. Вы, небось, думаете: расчувствовался немец. Но я, честное слово, русский и по-немецки даже не говорю. Отец у меня православный...»

Что там пьеса, в Перми жили родственники матери Ольги Леонардовны (тещи писателя): ее братья Карл Иванович и Александр Иванович Зальцы и их семейство.

Судьба сестер Циммерман такова: Оттилия Владимировна была в 1920 году арестована большевиками и вскоре умерла в тюремной больнице, как о том сообщила Пермская губчека; Маргарита Владимировна умерла в Перми в 1934 году, поработав сторожем немецкой кирхи; Эве-

лине Владимировне удалось уехать в Москву к детям – больше о ней ничего не известно.

«...Пришло время, надвигается на всех громада, готовится здоровая, сильная буря», – предрекал автор «Трех сестер» устами барона Тузенбаха. Да, «сильная буря» смела все романтические надежды сестер Прозоровых. Лишь на старом Егошинском кладбище, напоминающим «сад как проходной двор», на лютеранском участке существует «тропа трех сестер», и на ней плита-кенотаф, символ памяти с именами легендарных прототипов чеховской пьесы. Память о сестрах Циммерман увековечила их внучка Татьяна Александровна Дорош (Кюнтцель), член общества пермских немцев и евангелическо-лютеранской общины, а также благотворительного фонда имени доктора Федора Граля.

И все же «пермские Афины» не расстаются навсегда с чеховским символом: на сценах драматического и оперного театров идут «Три сестры», а близ привокзальной площади виднеется глыба закладного камня будущего памятника трем сестрам, сиротливо поросшего бурьяном...

На протяжении многих лет тему «Чехов и Пермь» разрабатывали краеведы разных поколений: С. А. Ильин, В. С. Верхоланцев, Е. А. Спешилова, А. К. Шарц, А. А. Кюнтцель, Б. А. Черенев, Ю. А. Силин, В. Ф. Гладышев, В. С. Колбас. Каждый из них внес свой личный вклад в коллективную память о нашем классике, который, будучи на берегах Камы, сказал в минуту душевного отк-

ровения: «Там, на Урале, должно быть, все такие: сколько бы их не толкли в ступе, а они все – зерно, а не мука. Когда попадаешь в общество этих крепышей – сильных, цепких, устойчивых, черноземных людей, – то как-то весело становится...»

Поверим Антону Павловичу, увидевшему в уральском крае красивых, чистых душой людей и небо в алмазах. А нам остается каждодневно возделывать завещанный чеховский сад, убеждаясь в поэтической истине-вере:

*И открывалась пристальному глазу
Реки непокоренная краса.
И уж не дождь, а чистые алмазы
На Чехова роняли небеса.*

Алексей Леонидович КАЗАКОВ

родился в 1949 году в Челябинске.

Литературовед, критик, издатель.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького

и аспирантуру Института мировой литературы

им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Член Союза журналистов РСФСР и член Союза писателей России.

Выпустил ряд книг, в частности – о творчестве С. Есенина.

Опубликовал десятки статей и очерков в «Литературной России»,

«Комсомольской правде», «Литературном обозрении»,

«В мире книг» и других изданиях.

Живет в Челябинске.

